

— А-а-а-а!

Янь Цзызюнь вскрикнул и резко сел, тяжело дыша. Сон оборвался, но реальность принесла лишь холод: нижняя рубаха насквозь пропиталась потом.

Он судорожно коснулся шеи, затем осмотрел ладони — чистые, ни следа крови. Ощупал грудь и живот — целы, никаких ран. Откинув одеяло, Цзызюнь пошевелил ногами: он был цел. Живой!

Он так отчаянно проверял себя, что совсем не заметил присутствующих. В маленькой комнате, помимо него самого, у кровати дежурили Цзя Лун и Чжу Тяньган.

— Господин Цзя, я...

Цзя Лун поднял руку, жестом веля ему не торопиться.

— Ты пролежал в беспомощности день и ночь. Тебя спас Господин.

Янь Цзызюнь замер. Чу Цзюинь спас его от того чудовища? Верилось с трудом, но Господин Цзя не стал бы лгать. Вспомнив ужас той встречи, юноша содрогнулся.

— Господин Цзя, та тварь... что это было?

На этот раз ответил Чжу Тяньган, опередив управляющего:

— Да обычный злой практик, подавшийся в ересь. Нацепил на себя человеческую кожу и мутил воду в вашем поместье. Успел-таки сгубить несколько душ. Но ты не бойся: Господин твой со всем разобрался, больше эта пакость не объявится.

«Еретик... человеческая кожа... смерти...»

Янь Цзызюнь слушал, и хотя понимал значение слов, смысл их не укладывался в голове. Всё это слишком выходило за рамки привычного мира. Он стал мертвенно-бледным, и Чжу Тяньган не выдержал — рассмеялся, помахав ладонью перед его глазами.

— Цзя Лун, глянь на него. Парень после такой встряски совсем рассудок потерял. Неужто заика наш сдурел от страха?

— Во все он не глуп, — возразил Цзя Лун. — В делах под началом Юань Сунвана проявил себя весьма смыслённым. Разве что заикается, это верно.

Янь Цзыюнь наконец пришёл в себя. Сбросив одеяло, он босиком спрыгнул на пол и выпалил:

— Господин Цзя! Вы... ваша семья ведь из древнего чиновного рода, что позже занялся торговлей?

— Кто тебе такую чушь сказал? Я — точно нет, — Цзя Лун на мгновение задумался. — Глупости. Ты сам себе это втемяшил.

Цзыюнь вспомнил: перед тем как провалиться в тьму, он видел иссиня-чёрную тень, рухнувшую с небес. Если это был Чу Цзюинь, то его сила явно была за пределами человеческих возможностей.

Юноша напрягся, глядя на них с подозрением:

— Если вы не купцы, то... кто вы такие?

— Культиваторы! — бросил Чжу Тяньган.

— Чего?

— Хватит «чегокать», бестолочь, совсем жизни не видел, — Чжу Тяньган посмотрел на него как на неразумное дитя. — Твой хозяин, как и я, когда-то обучался у Доуму Юаньцзюнь. Мы много лет постигали искусство Дао. Так что мы вроде как собратья по учению.

— Господин, не болтайте лишнего, — вмешался Цзя Лун. — Молодой господин Чу никогда такого не говорил.

Чжу Тяньган досадливо поморщился — прямолинейность Цзя Луна порой невыносимо раздражала, — и притворно закашлялся, скрывая неловкость. Цзыюню же не было дела до их иерархии.

— А что стало с тем... существом?

— Демон-бабочка, больше похожая на огромную ночную моль. Твой хозяин спалил её одним махом, один пепел остался.

— В саду... кто-нибудь ещё пострадал?

— Да нет. Лао Юань, когда всех защищал, отделался парой царапин, остальные и вовсе целы. Я там был, сам всё видел.

Цзызюнь облегчённо выдохнул.

— Господин Цзя, раз случилось такое... что стало с Заведующим Юанем?

Цзя Лун вздохнул:

— Юань Сунван вечно любил выпить да отлынивать от дел. Допустить такое в Сяньюане — его прямая вина. Господин выставил его вон.

Янь Цзызюнь ожидал этого, но на душе всё равно стало горько. Лао Юань был добр к нему.

— Перед уходом он просил передать тебе это, — Цзя Лун достал из рукава маленький матерчатый мешочек.

Юноша принял подарок и поблагодарил управляющего. Чжу Тяньган заметил, что парень всё ещё стоит на холодном полу босиком, дрожа в мокрой рубаше. Полез в свой мешочек Цянькунь и — чудо! — вытянул оттуда длинное лунно-белое одеяние, точь-в-точь из такой же ткани, что была на нём самом. Набросил на плечи Цзызюню.

— Хозяин твой крут нравом, не то что я. Ты и так бедолага, вечно под горячую руку ему подворачиваешься. Хочешь, я попрошу Цзя Луна переговорить с Чу Цзюинем, чтобы ты перешёл ко мне?

— И что я буду делать у Господина? Служить на посылках или на кухне помогать? — спросил Цзызюнь.

Чжу Тяньган усмехнулся:

— Ни то, ни другое. Ты малый сообразительный. Пойдёшь ко мне в ученики. Что скажешь?

Цзызюнь покосился на Цзя Луна и неловко улыбнулся:

— Благодарю Господина за доброту, но... пожалуй, я откажусь.

Чжу Тяньган не обиделся, лишь громко рассмеялся. Уходя, он оставил флакон со снадобьем и велел принимать его вовремя, чтобы восстановить силы и не мучиться кошмарами.

Вечером Цзызюнь выпил лекарство, а наутро почувствовал себя гораздо лучше и вернулся к обязанностям на задней горе.

За эти несколько дней там уже сменился заведующий. Всех работников — больше сотни

человек — построили перед конторой. Новый начальник придирчиво осмотрел каждого, выдал строгие наставления и распустил по местам.

Цзызюня на кухню больше не посылали. Поскольку почти все митуоло на склонах погибли, ему велели во что бы то ни стало выходить те саженцы, что росли в его маленьком дворике.

«Погубишь и их — пеняй на себя», — таков был приговор.

Без покровительства Лао Юаня Цзызюнь не смел рисковать. Он дни напролёт проводил в саду, ухаживая за выжившими «беженцами». Стояла погожая погода, и юноша, поливая цветы, размышлял, что пора бы их пересадить — солнце начало припекать. Если всё пройдёт удачно, он вернёт этих «подопечных» на гору и наконец-то вздохнёт спокойно, избавившись от тяжкой ответственности.

Но цветы капризничали. Они росли, но не было в них прежней силы и того буйного огненного цветения, которым они славились. Цзызюнь присел на корточки с ковшом в руках, разглядывая хилые ростки, как вдруг в его уединённую обитель заглянул гость.

— Что стряслось? Такой молодой, а вечно хмуришься. Поведай дядюшке, о чём печалишься?

Цзызюнь поднял глаза. Пришелец был облачён в лунное сияние — шёлк «фугуан» переливался на солнце, словно вода. Юноша сразу узнал любителя белого цвета — Чжу Тяньгана.

Поспешно вскочив, он вытер испачканные землёй ладони о штаны и низко поклонился.

— Оставь церемонии, — Чжу Тяньган небрежно взмахнул складным веером. — Мы здесь одни, ни к чему эта вежливость.

— Не могу, — серьёзно ответил Цзызюнь. — Я ещё не поблагодарил Господина за спасение в ту зимнюю ночь в саду Мэй и за чудесное лекарство. Цзызюнь не забудет вашей доброты.

Чжу Тяньган ударил веером по ладони и рассмеялся:

— А ты и впрямь хваткий! Цзя Лун говорил, ты заикаешься страшно, а сегодня речь льётся как песня. Даже я диву даюсь.

— Мне лучше, — отозвался Цзызюнь. — Если не нервничать и не спешить, всё получается.

Чжу Тяньган сложил веер.

— Ну да бог с ним. Я пришёл помочь тебе с одним делом. Хочешь сначала поблагодарить?

— Расскажите сперва, что за дело.

Гость обвёл взглядом дворик. Митуоло здесь было много, но вид они имели жалкий: среди тусклой листвы кое-где алели редкие бутоны, не было и тени прежнего яркого великолепия. Он коснулся лепестка и спросил:

— Ты один за ними ходишь?

Янь Цзызюнь кивнул.

— Непросто тебе пришлось, — вздохнул Чжу Тяньган.

Вдруг он слегка нахмурился. Сложив пальцы левой руки в ритуальный жест, он призвал ореол света в форме белого лотоса. Тот закружился в воздухе, распадаясь на множество частей и образуя сияющий массив, накрывший весь двор.

Нежные лепестки то раскрывались, то смыкались, а через мгновение обратились в мириады белых искр, которые посыпались на землю, точно нежданный снег в начале весны. Цзызюнь смотрел заворожённо. На его глазах сад преобразился: все митуоло разом расцвели! Тёмная зелень скрылась под багряными облаками, цветы пламенели, точно всполохи зари.

Поняв замысел Чжу Тяньгана, Цзызюнь подхватил полы халата, собираясь пасть на колени. Но тот подхватил его под локоть:

— Вижу, ты совсем извёлся из-за этих цветов, аж под глазами круги. Я помог твоим красавицам ожить. Через пару дней вернёшь их на гору и закроешь этот вопрос.

Пока Цзызюнь рассыпался в благодарностях, Чжу Тяньган вдруг наклонился к нему:

— Эй, малец. Скажи-ка, велик ли твой дядюшка в своём искусстве?

Цзызюнь невольно сравнил его с тётушкой Ху — те же замашки любителей поиграть в старшинство. Но тут же одёрнул себя. Он вспомнил книги, что читал тайком: бессмертные культиваторы не стареют и выглядят как боги. Наверное, он один из них.

«Раз бессмертный — значит, точно великий. Небось и не ест ничего, одной росой питается...»

Видя, что юноша замер в немом почтении, Чжу Тяньган продолжил:

— В прошлый раз при Цзя Луне я звал тебя к себе не ради шутки. Пойдёшь?

Цзызюнь растерянно моргнул, чувствуя себя песчинкой в чужой воле. Он не знал, что ответить.

— Ладно, — Чжу Тяньган выпрямился, потеряв интерес. — Вижу, что не хочешь. Не буду неволить.

Цзызюнь втайне облегчённо вздохнул.

— Завтра, — вдруг добавил гость, — завтра же уноси эти цветы.

Юноша не понял такой спешки, но Чжу Тяньган уже отвернулся. Его длинные чёрные волосы водопадом ниспадали по белой спине. В его облике, статном и тонком, внезапно проступила холодная властность.

— Через три дня в полдень пойдёт сильный снег. Тогда поднимешься на гору, соберёшь талую воду с цветов Митуо в чашу и принесёшь мне.

Янь Цзызюнь поспешно кивнул: поручение казалось пустяковым.

— Я уже несколько дней живу в Западном саду. При мне есть ученики, но рук не хватает. Когда придёт пора разжигать огонь для плавки пилюль, я заберу тебя у Чу Цзюиня. Так будет лучше, чем если ты, ходячее несчастье, снова вляпаешься в историю.

Цзызюнь похолодел. Ему не хотелось видеть Чу Цзюиня — каждая встреча с ним оборачивалась болью и ранами. Но и связываться с Чжу Тяньганом, а уж тем более идти в алхимическую комнату, желания не было.

Интуиция шептала: этот человек ничуть не лучше Господина, и служить ему будет ничуть не легче.

<http://bllate.org/book/17484/1694217>